

Йоахим Сарториус

Одесса

Рассматривая карту Черного моря

Ребекке Хорн

Здесь серо-зеленым
Азовское море,
картина унылых степей,
где варвары сметали все на пути:
греков, римлян, скифов, сарматов.
Прямоугольнички, их много,
указывают на могилы.
Глубоко под землей погребенные принцессы,
с каждой – уздечки от 49 лошадей
и груды венцов,
только костяшки пальцев
изгрызены
мышами.

Здесь бурый хребет Кавказа, а еще снег,
белые потеки, окаймленные синим,
но побережье – светло-зеленое от пальм,
светлые Сухуми, Батуми
и весело заштрихованные
в прыжке афалины.
А дальше, правее, ты видишь реки –
Дон, Днепр, Кубань –
их устья
с коричневыми ветвящимися сетками,
нерестилища, шельфы.

И корабли, белые и соразмерные,
буравят воды до самой турецкой границы,
до Трабзона и Синопа
(чьими серебряными монетами
похвалялись богини
в серьгах с подвесками),
до гладких дельфинов.

Судоходные линии –
нежно-голубые,
и тянутся все, почти все,
слегка изогнувшись, как к чаше цветка,
к Одессе,
красной точке
под коптящими фонарями набережной.

Что может быть родиной для Одессы?
Не твой взгляд, не эта картинка.
Ею хочет быть затерянное письмо Исаака Бабеля,
полное упреков Овидию:
почему тот писал в Томах о Риме,
а не о Томах.
Может быть, эта печаль городов о себе –
Родина. Жалоба, что великие времена миновали.
Лестницы уже не так грандиозны,
паром обветшал.
Но Черное море могу
описать я
лишь на своем языке.

Черное море? На карте
плавный синий овал,
над которым диковинной тучной кистью
навис коричневый Крым. Что
знали картографы о плавающем зное Истории?
О том, что варвары переплавят
древнейшие племена – в ареалы новых народов?

Знали ль чертежники о городах более ранних –
Ольбии например, богатой
пшеницей, сушеной рыбой, рабами?
Немыслимую красоту создавали ее мастера.
Выставленная в провинциальном музее,
она перевернула наше сознание.

Одесса должна была зваться «Одессос».
Каприз Екатерины Великой –
город-женщина. Скольких
она пропустила через себя?
Что есть красота этого города?
Его замысел? Женщины? Его свет?
Что есть красота этого города?
Знать об упадке. Что он такое.
Все может прийти в упадок.
Дворцы, тела, колонны.

Но Одессу могу
описать я
лишь на своем языке.
На самой вершине лестницы – Урания.
Она омывает город лазурью,
возвращает ему утро.
Жемчужная россыпь сверкает
над камнями гавани –
бетону, моллюскам, морю.
Урания пишет на стекле (стекле духа),
ее прозрачное творение вот: сеть из кристаллов,
оживляемая золотым жезлом.
И, помещенная в средоточье светло-голубой воды,
роза ветров
с ее глубинными потоками и лучами
так себя преодолагает,
что к каждой жемчужине присоединен
большой круг, универсум.

Так разрастается Одесса,
с верхней ступени лестницы,
большой прямоугольник, испещренный деревьями,
через теснины, срывающиеся к кораблям, –
идеальный баскетбольный щит,
играючи вздетый водой,
выброшенный отливами,
под перламутровым орехом
луны в надире.

Одесситы собираются вокруг Урании.
По указке жезла ее
смотрят на гавань,
на ряды кораблей между кранами
у черных шлюзов.
И здесь, на земле, всюду кошки.
Они вылизывают свои узкие красные десны,
чувствуя тяжкий вес времени.
Что есть красота этого города?
Он красив так же, как все мои тайны.
Ночь прыгает из окна,
с платанов на акации, от сверчка
к луне, от дворца Воронцова
к гигантскому темному зеркалу под ним.

Но море на карте,
вечно синее и глубокое,
бездвижно, мертво.
Мы сочувствуем
лишь соли,
что дрейфует сквозь наши сны.
Лишь тлению осетров
там, где дна уже не разглядеть.

Перевод с немецкого Веры Котелевской